

Министры прошли мимо Фань Сяня со странноватыми выражениями лиц и покинули зал Тайцзи. Фань Сянь в это время тоже чувствовал себя беспокойно. Он знал, каким сейчас будет ход разговора в высочайшем присутствии. Пусть он и был преемником главы Контрольной палаты, для него стало неожиданностью оказаться в подобном обществе — в конце концов, его послужной список и возраст были ещё слишком малы. Но раз дело до этого дошло, ему ничего не оставалось, кроме как ответить спокойно и по указанию евнуха с некоторой осторожностью последовать за несколькими почтенными сановниками в заднюю часть дворца.

Попетляв и свернув несколько раз, но не особо далеко зайдя, они пришли в боковой зал. Потолок был загорожен, поэтому помещение выглядело не очень просторным. По левую руку находилась большая изящная этажерка высотой в человеческий рост, полностью заставленная книгами. Фань Сянь незаметно оглядел обстановку и понял, что это, вероятно, легендарный императорский кабинет. Улыбка с его губ исчезла — возможно, он вспомнил об исторических драмах, которые часто смотрел в своей предыдущей жизни.

Евнух уже помог императору снять парадное платье с драконами и переодеться в на вид довольно удобное небесно-голубое повседневное, перевязанное по талии поясом с нефритовыми пластинами. Император, полулёжа на низкой тахте, поставил чашку с чаем на стол, небрежно взмахнул рукой, и евнухи быстро внесли в комнату семь круглых табуретов с парчовыми сиденьями. Семь старых сановников поклонились, выражая благодарность, и непринуждённо заняли свои места.

Наследный и первый принцы очень смиренно стояли рядом с императорской тахтой. Хотя им не предложили сесть, по выражению их лиц можно было понять, что так повелось издавна.

Только вот заранее было подготовлено семь табуретов, но сегодня добавился ещё один молодой чиновник. Евнух в императорском кабинете, возможно, никогда не встречался с Фань Сянем, поэтому недоумевал, то ли это чиновник низшего ранга, специально прибывший для подробного расспроса, то ли ещё один уважаемый человек.

Все сидели, а Фань Сянь один стоял, отчего сразу же бросался в глаза. Однако его отец, министр Фань, сидел насупившись и даже не глядя на него. Фань Сянь невольно усмехнулся и со своего и без того скромного места отодвинулся ещё назад.

Это его небольшое перемещение всё же попало на глаза наследному принцу. Он слегка улыбнулся Фань Сяню, а тот осмелился только взглянуть в ответ и нечаянно заметил, как старший принц легонько зевнул за спиной императора. Вероятно, принц вчера, едва вернувшись в столицу, неизвестно сколько выпил и сегодня был очень утомлён.

За исключением встречи в чайном домике на берегу реки Люцзинхэ, сегодня Фань Сянь оказался ближе всего к императору — настолько близко, что, казалось, мог дотянуться рукой. Не удержавшись, он приподнял голову и кинул на него быстрый взгляд, не осмеливаясь смотреть прямо. В конце концов, это император. Хотя во времена династии Цин* и был чиновник по имени Му Тяньянь**, на деле, наверное, никто не осмеливался нагло любоваться императором, словно красивой женщиной.

Но даже так быстро Фань Сянь успел ясно рассмотреть его и был почти потрясён его ответным взглядом!

Император окинул его взором, не обращая внимания на его пристальный взгляд. Фань Сянь изобразил на лице облегчение, словно он удачно отделался, но в глубине души у него совершенно не было страха. Через некоторое время евнух пригласил и второго принца, который учил младшего принца во дворце Радости. Когда тот вошёл в императорский кабинет, то всё ещё держал младшего принца за руку. Увидев это выражение дружбы между братьями, император кивнул, словно от удовлетворения. На лице наследного принца появилась улыбка, но кто знает, сколько грязных слов он произнёс про себя.

Когда четыре принца встали рядом с тахтой, император, казалось, заметил, что Фань Сянь стоит, и отдал небрежный приказ:

— Принесите Фань Сяню табурет.

Фань Сянь поражённо ответил:

— Я не посмею.

С учётом его ранга допуск в императорский кабинет уже был исключением, тем более даже четыре принца стояли, так как он мог осмелиться сесть? Когда шестеро старых сановников услышали, что император удостоил молодого парня правом сесть, у них как будто начало припекать седалище — они заёрзали, завертелись, закашлялись, явно демонстрируя недовольство. «Мне пришлось не меньше двадцати лет томиться при дворе, чтобы занять место перед лицом императора, а тебя, мальчик из семьи Фань, усадили сразу же, как ты вошёл в императорский кабинет!» — думали они.

Наследный принц взглянул на сановников и почтительно сказал императору:

— Отец, Фань Сянь молод и телом крепче, чем эти почтенные сановники. Судя по его испуганному виду, ему лучше остаться стоять.

Эти слова были сказаны чрезвычайно миролюбиво и беспристрастно, и все, будь то старые сановники или Фань Сянь, были благодарны за них.

А старший принц ещё добавил:

— Помните, когда-то отец приказал нам, братьям, слушать чиновников, обсуждающих государственные дела, и нам пришлось стоять, потому что мы должны помогать наследному принцу в управлении страной и умиротворении Поднебесной, а раз мы слушаем урок, то

должны вести себя как ученики... — Он ещё не договорил, но смысл был уже ясен: Фань Сянь, ты молод и только вступил в должность, каковы твои заслуги, каковы твои способности и добродетели, чтобы мы, принцы, относились к тебе как к учителю?

Пожилые сановники тоже покачали головами, поглаживая бороды. Табурет кажется обычной вещью, но скрытый смысл его отнюдь не мал. Они могли гарантировать, что если Фань Сянь сейчас действительно сядет в императорском кабинете, то не пройдет и часа, как эта новость разойдется по всей столице.

Фань Сянь собирался плыть по течению и вежливо отказаться от этой милости, но, неожиданно заметив равнодушный взгляд императора, чуть вздрогнул и прикусил язык.

Император взглянул на сановников, а затем на своего старшего сына, который хотя и был честен и откровенен, имел несколько раздражительный характер, и сказал:

— Фань Сянь, конечно, не заслуживает права сидеть... но сегодня он должен — не для того, чтобы возместить его труды, а чтобы вознаградить за его достижения.

Никто не понял, что он имел в виду, но раз император заговорил, все в кабинете замолчали. Император посмотрел на своих сыновей и мягко сказал:

— Если вы сможете заполучить телегу с книгами Чжуан Моханя, я и вам разрешу сесть!

Все молчали, искренне понимая, что символизирует эта телега. Хотя им всё так же казалось, что император слишком упёрт в том, чтобы заработать для страны бесполезную репутацию в области литературы, возражать было неудобно.

Император понял, о чём все думают, и холодно сказал:

— Не надо полагать, что это касается только учёных. Кто такие учёные? Вы, гражданские чиновники, все учёные. У нас нет недостатка в военных заслугах, чего не хватает, так это именно гражданского управления... Объединить земли Поднебесной легко, но объединить сердца людей всей Поднебесной — вот это задача задач. Если не приложить усилия в этом направлении, одной остротой меча и быстротой коня ничего не добиться.

На лице старшего принца явно читалось несогласие, но отец ещё не договорил, поэтому он, естественно, не осмелился встретить.

Император продолжал неторопливую речь:

— На коне можно захватить мир, но с коня нельзя им управлять. Путь литературы может показаться нереальным, но он затрагивает сердца учёных всего мира. Вспомните, как когда-то я в трёх северных походах разбил царство Вэй в пух и прах, но кто бы мог подумать, что семья Чжань сможет подняться среди хаоса? Не прошло и нескольких лет, как они собрали множество талантов, и так появилась Северная Ци, не позволяющая нашим лошадям двигаться на север... На что они опирались? На их законный статус в представлении учёных всего мира! Новая эпоха правления Поднебесной***? Разве это не было придумано учёными? Шу У, Янь Синьцзу! Вы подданные государства Цин, но когда-то сдавали императорские экзамены в Северной Вэй, почему?

Советник Шу и министр Янь в панике торопливо встали.

Император махнул рукой:

— Все учёные в мире такие. До сих пор есть эта нехорошая тенденция. Я вас не виню, и вы не должны в себе сомневаться. Я просто хочу сказать, что при наступлении новой эпохи правления Поднебесной объединение умов всех учёных принесёт немало пользы. В каждом округе можно найти способных людей и мудрых чиновников, что принесёт некоторую выгоду в глазах общественного мнения. — Он посмотрел на своего старшего сына и бесстрастно добавил: — Я знаю, о чём ты думаешь, но, если будет меньше сопротивления продвижению войск, меньше твоих солдат и офицеров погибнет, неужели ты этого не хочешь?

Старший принц промолчал.

Затем император спокойно продолжил:

— Телега старых книг может помочь мне переманить к себе больше учёных, которые путешествуют по миру, и может спасти жизни множества военных. Так почему бы мне не даровать Фань Сяню право сидеть?

Все почувствовали, будто что-то не так, будто император намеренно проявлял благосклонность к миру. К тому же почему министр Фань не отказался от сидения вместо своего сына? Однако государство Цин родилось в огне войны, и его народ был полон довлеющего над ним горячего чувства долга по объединению Поднебесной. Поскольку император связал воедино книги, которые Фань Сянь привёз из дипломатической миссии, с общей тенденцией к объединению мира, то если кто-то осмеливался что-то ещё сказать, все по очереди вставали и восхваляли мудрость императора.

Разве может телега с книгами иметь прямое отношение к Поднебесной? Фань Сянь поблагодарил императора за милость. Его лицо было спокойно, и он сидел, словно гора, не зазнаваясь и не горячась, но в глубине души горько улыбался, не понимая, почему император не мог обойтись без того, чтобы загнать его в огненную клетку и поджарить снаружи.

Красный бархат развернули, и внутри оказалась огромная карта. Карта уже была перечерчена заново. Территория государства Цин, покрашенная в жёлтый, постоянно расширялась на северо-восток, и все, кроме пустынных варварских земель ниже и позади неё, уже вошло в её состав. Расширение территории государства Цин произошло стремительно, и, хотя находящаяся на северо-восток Северная Ци всё ещё выглядела колоссально, она казалась до невозможности раздутой перед лицом такого монстра, как государство Цин. Хотя Северная Ци также была развивающейся страной, она унаследовала не только огромную территорию Великой Вэй, но и её начинающие пованивать бюрократию и нравы.

Глядя на карту, слушая дискутирующие голоса, постоянно доносящиеся до его ушей, находясь в средоточии власти государства Цин, Фань Сянь впервые почувствовал дерзкую манеру вести дела и неумеренные амбиции родной страны и мысленно вздохнул. В конце концов, императорская власть на Севере всё ещё сильна, и, судя по намерениям Хайтан и их императора, если начнётся война, простые люди всего мира неизбежно опять будут страдать, и неизвестно, когда это всё успокоится.

Хотя он не был каким-то особо сострадательным пацифистом, его совершенно не интересовали войны.

Император в это время обсуждал важные государственные дела с несколькими сановниками, время от времени слышались слова о речной дамбе, о годовом доходе и ежегодной дани от мелких вассальных княжеств. Обо всём этом Фань Сянь ничего не знал, поэтому, естественно, не перебивал их; пусть даже какие-то мысли у него имелись, он не станет высказывать их, сидя на этой пыточной скамье.

Намеренно или ненамеренно, но все забыли, что он сидит в углу кабинета, поэтому у него было свободное время, чтобы подумать, посмотреть на явно изменившуюся к лучшему карту, сидя в оцепенении и вздыхая, как истинный последователь моизма***.

Внезапно до его слуха донеслись слова: «Внутренняя сокровищница!» Он слегка нахмурился и постепенно насторожился: император приказал ему остаться не просто ради того, чтобы вознаградить его за труды правом сидеть.

— Почтенные сановники, вы все знаете, что, хотя внутреннюю сокровищницу и называют внутренней, с ней связано множество уязвимых мест, — с досадой произнес император. — В эти годы она оконфузилась, в третий год новой эпохи производилась расчистка русла реки на юге, ударили холода на севере, и я приказал внутренней сокровищнице перевести деньги в государственную казну, но кто знал... Общественные склады в результате даже серебра не получили!

Общественные склады были одним из десяти отделений внутренней сокровищницы,

ответственным за сбережение денег, но золото и серебро следовало поместить в транспортную казну — казалось, император сердился не на того человека. Но несмотря ни на что, транспортная казна и общественные склады находились под совместным управлением старшей принцессы и Министерства финансов. Хотя за последние десять лет Министерство финансов не осмелилось сказать ни слова, Фань Цзянь, министр финансов, всё же встал и извинился.

Император махнул рукой, даже не глядя на него, и продолжил:

— Реформы сошли на нет, но я полон решимости предпринять действия в отношении внутренней сокровищницы. Я не требую вернуть ошеломительные картины десятилетней давности, но, по крайней мере, двор должен каждый год зарабатывать немного денег.

Он говорил негромко и спокойно, но заключённое в его голосе могущество не оставляло никому смелости высказаться.

— Моя сестра вернулась в Синьян, и теперь нам для этого дела нужен чиновник, способный его возглавить. Если у вас есть хорошие кандидаты, сообщите мне.

Все сановники и принцы в императорском кабинете знали, что это всего лишь видимость. В столице было давно известно, что кандидатом, которого выбрал император, был Фань Сянь, сейчас тихо сидевший сзади. Все разговоры о том, во что можно превратить одну телегу с книгами, и энергичная поддержка возвышения Фань Сяня были не более чем демонстрацией своего отношения к нему перед сановниками, и не стоило им действовать наперекор без пяти минут главе внутренней сокровищницы.

Но все также знали, что положение во внутренней сокровищнице на самом деле не настолько бедственно, как описывал император. Ежегодно товары, перевозимые из разных районов Цзяннани на север, приносили двору по меньшей мере несколько миллионов лянов серебра. Если бы не поддержка совершенно секретного бизнеса внутренней сокровищницы, у государства Цин не хватило бы средств, чтобы расширять границы. В короткое время семья Фань стала вызывать смутную зависть.

Но поскольку император казался таким недовольным, кто бы ни взял на себя управление внутренней сокровищницей в будущем, ему, пожалуй, придётся побеспокоиться о деньгах, которые понадобятся сдавать каждый год.

Подумав об этом, сановники немного уняли свою зависть, но даже так никто не хотел выдвигать Фань Сяня — это был не только вопрос их репутации, но и доходов. Как бы трудно ни было управлять внутренней сокровищницей, нажива, которую извлекает управляющий каждый год, не станет меньше. Эти придворные желали всё так же ежегодно получать чрезвычайно щедрые награды от Синьяна, как этого можно не понимать?

Сановники ничего не сказали, Фань Цзянь по своему положению, естественно, не мог выдвинуть кандидатуру собственного сына, поэтому в императорском кабинете воцарилось неловкое молчание. Император ничего не сказал, он просто взял чашку чая и сделал глоток.

Выражение его лица было обычным, и никто не заметил холода в его глазах.

— Я предлагаю...

— Я предлагаю...

Все присутствующие в кабинете императора удивились, когда в тишине в один и тот же момент зазвучали сразу два голоса. Одновременно решили высказаться наследный и второй принцы, вот так вот невероятно.

Император слегка кивнул:

— Говорите...

Второй принц посмотрел на наследного и с извиняющейся улыбкой сказал:

— Раз наследному принцу есть кого предложить, то я почтительно выслушаю.

Император глянул на него, но ничего не сказал.

Наследный принц увидел, что ему вежливо уступают, ведь он был хозяином Восточного дворца, будущим властителем страны, и, конечно, он не собирался отказываться от шанса высказаться. Он поклонился отцу:

— Ваше величество, я предлагаю Фань Сяня.

Все в кабинете отлично знали, что Восточный дворец всеми силами пытается перетянуть Фань Сяня на свою сторону; конечно, наследный принц охотно вызвался оказать такую не стоящую никаких усилий услугу. Неожиданно император не стал сразу же выражать свою точку зрения, а спросил сначала второго принца:

— А ты кого хотел предложить?

Второй принц немного смущённо улыбнулся:

— Я тоже хотел предложить господина Фаня, Фань Сяня.

В кабинете по-прежнему было тихо, император многозначительно глянул на Фань Сяня. Выражение лица Фань Сяня ни капли не изменилось, он был готов подняться с места и ответить, но неожиданно император не дал ему такой возможности, равнодушно произнеся:

— Раз оба принца полагают, что Фань Сянь справится, так и быть, назначим его. К концу осени будет готов указ, не нужно сейчас повсюду трубить об этом.

На этом тема была закрыта, обсуждение завершено. Хотя это решение во дворце приняли ещё за год до свадьбы Фань Сяня и Линь Вань'эр, но после сегодняшнего обсуждения в кабинете императора, решение будет записано и уже, конечно, не сможет быть изменено. При мысли, что теперь в семье Фань отец заведует государственной казной, а сын будет управлять внутренней сокровищницей, у присутствующих в душе возникло странное чувство. Такого расположения и любви императора в столице не достаивалась больше ни одна семья. К тому же наследный и второй принцы так упорно боролись за внимание Фань Сяня, потому как отлично знали: начиная с сегодняшнего дня, влияние семьи Фань, видимо, будет лишь возрастать и уже не уменьшится, так что почему бы не проявить больше инициативы.

Фань Цзянь и Фань Сянь сразу же поднялись, чтобы в трепете отблагодарить императора за милость.

Император не обратил на них внимания, а лишь с улыбкой спросил:

— Раз всё решено, я хотел спросить принцев, почему вы оба одновременно обратили внимание на Фань Сяня?

Наследный принц немного подумал и с улыбкой сказал:

— Я лишь грубо прикинул, что министр Фань отлично справляется с управлением финансов государства, а Фань Сянь, как его старший сын, должно быть, тоже унаследовал немалый талант в этом деле.

Второй принц тоже заулыбался:

— Я подумал примерно так же, к тому же внутренняя сокровищница, имея отношение к золоту и серебру, требует ответственного чиновника с кристально чистой репутацией, способного позаботиться о ней. Простите за вольность в словах, но нынче среди чиновников алчность стала слишком привычным делом, и хотя в разных уездах есть прославившиеся своей честностью управленцы, но все они лишь местные власти. У молодого господина Фаня выдающийся талант, он известен как человек высокой образованности и морали. Никто не подходит для управления внутренней сокровищницей так хорошо, как он.

— Да? — Выражение лица императора не изменилось, он спросил: — С натяжкой это можно принять за объяснения. Но, может, есть ещё и другая причина?

Наследный и второй принцы в некотором недоумении переглянулись: может, император решил воспользоваться случаем, чтобы испытать их двоих. Раз уже дошло до такого, то наследный принц собрался духом и сказал:

— Второй брат заметил в высшей степени справедливо, к тому же надзор за внутренней сокровищницей всегда осуществляла Контрольная палата, а Фань Сянь преемник главы, так удачно может совместить сразу две обязанности.

Пришедший вместе со вторым младший принц уже устал стоять на месте, к тому же он не слишком хорошо понимал, о чём эти седобородые сановники разговаривают с отцом, поэтому неминуемо его внимание плавало, а последние слова показались ему странными, и он захихикал: — Брат наследный принц, из твоих слов выходит, что Фань Сянь будет сам надзирать за собой?

Будучи ребёнком, он мог позволить себе сказать что-то возмутительное, и окружающие лишь решили бы, что устами ребёнка глаголит истина и что он это не нарочно, однако его слова действительно обнажали логическую нестыковку в словах наследного принца. Хотя сановники и не посмели ничего сказать, но на лице наследного принца появилась лёгкая тень гнева.

Очень кстати в этот момент второй принц смущённо сказал:

— Государь, я ничего не могу придумать.

Император не стал отчитывать наследного принца, а лишь спокойно сказал:

— Не можешь придумать? Тогда почему же ты ранее предложил Фань Сяня?

Присутствующие в кабинете сановники ясно видели, что император действует без плана. Очевидно, что он сам благоволил Фань Сяню, но ему вдруг понадобилось непременно доставить неудобства принцам. Вот уж правду говорят, что замыслы государя сложно угадать. Сановникам оставалось лишь изо всех сил молчать, чтобы не дай бог не спровоцировать какую-нибудь беду на свою голову.

Фань Сянь, имея непосредственное отношение к делу, и так сидел на «пыточной» табуретке как на иголках, а теперь ещё и ощутил, как она начала припекать его зад. И тут второй принц неуверенно сказал:

— На самом деле... есть ещё одна причина. Дело в том, что у меня с Фань Сянем... хорошие личные отношения.

Император, спокойно глядя на второго сына, какое-то время молчал, а потом вдруг рассмеялся. Его смех звучал очень естественно:

— Из мириад причин вполне достаточно одной этой. Что такое внутренняя сокровищница? Это сокровищница императорской семьи. Раз Фань Сянь станет ей управлять, то, конечно,

необходимо, чтобы у него были тесные связи с императорской семьёй. Раз Фань Сянь уже работал в Жертвенном приказе, то хорошие личные отношения с принцем — этого вполне достаточно.

Конечно, вполне достаточно, ведь, что ни говори, а Фань Сянь — муж принцессы; что ни говори, а наследный и второй принц часто зовут его зятем. Слушавший разговор наследный принц рядом невольно вздохнул про себя: второй брат, как и ожидалось, крут, внезапно сумел угадать, какой ответ желал услышать отец. И почему ему самому это не пришло в голову вовремя?

По причине того, что доблестный старший принц наконец вернулся и границы наконец закрепили договором, сегодняшние обсуждения невольно затянулись. Внезапно пропустили даже обед. Император увидел, что обеденное время уже прошло, и приказал евнухам прислать кушанья, решив оставить всех собравшихся для совместной трапезы. Фань Сянь ещё никогда не ел блюда с императорского стола, но они не произвели на него большого впечатления: обычные овощи, рыба, куриное мясо и всё в этом роде. Больше его порадовало то, что есть вместе с императором оказалось не так болезненно, как ему представлялось, ведь перед обедом им не пришлось снова вставать на колени и кланяться головой до земли.

Он слышал всё, что до этого сказали наследный и второй принцы, и понимал, что ему не отвертеться. Потом он посмотрел на этого мужчину средних лет, который занимал Драконий трон, и в душе невольно ощутил холодок и настороженность. Милости государя происходили из некоего абсурдного факта в его биографии, но он вовсе не считал, что правитель будет полагаться на родственные чувства, которые для людей на вершине власти — роскошь.

Фань Сяня никак нельзя было причислить к тем, кого можно легко контролировать. Он, конечно, где нужно кланялся, где нужно терпел, где нужно слушался, но, если дело угрожало перейти определённую черту, он был готов с улыбкой нащупать то, что носил в левом сапоге, и больше не кланяться, не терпеть и не слушаться, а послать всё к чёртовой матери.

Принцы, как и полагается, позаботились об императоре во время трапезы, а потом ушли в боковой зал, чтобы поесть самим. В это время император празднично беседовал с несколькими сановниками; за столом, безусловно, не обсуждали государственные дела, поэтому разговор вращался вокруг таких тем, как: у какой семьи в колодце лучшая вода для чая, в какой провинции арбузы такие большие, как валуны, и тому подобное. Иногда речь заходила о легендах Поднебесной, и, конечно, не обошли вниманием уход из жизни Чжуан Моханя. Голоса всех присутствующих словно бы стали тише — похоже, что, кроме верховного наставника Шу и Янь Синшу, все эти сановники Цин и тем более император в своё время, обучаясь грамоте, заучивали наизусть каноны, вышедшие из-под кисти прославленного литератора Чжуана.

В любом случае атмосфера за столом была намного свободнее, чем обычно во время семейных обедов у Фаней. Фань Сянь немного проголодался, поэтому не особо прислушивался к разговорам, а то и дело хватал палочками ошпаренные бобовые ростки и отправлял их в рот.

Вдруг он услышал, как император обратился к нему напрямую:

— Фань Сянь, подойди-ка.

Фань Сянь вздрогнул и отложил палочки. С тоской окинув взглядом ароматные бобовые ростки, он нацепил на лицо светлую улыбку и быстро подошёл к низкой табуретке императора. Глядя на его немного худое, но решительное лицо, Фань Сянь изобразил в глазах оживление и сложил руки в уважительном поклоне.

Сановники не знали, для чего император подозвал его, и с любопытством направили уши. Император с улыбкой посмотрел на Фань Сяня:

— Ещё помнишь, что в тот день в чайном домике у реки Люцзинхэ я когда-то пообещал тебе?

Не ожидавший, что император в присутствии высокопоставленных чиновников вдруг вспомнит про ту случайную встречу, Фань Сянь улыбнулся и ответил:

— В тот день я не знал, что передо мной император, даже подрался с командиром Гуном и провинился перед выездом императора. Такое преступление заслуживает тысячи смертей.

Министр чинов, полагаясь на свой авторитет чиновника, пережившего три разных правления, не побоялся прокомментировать:

— Оказывается, государь и молодой господин Фань уже однажды виделись за пределами дворца.

Во время обсуждения государственных дел облик императора всегда внушал трепет, но сейчас, напротив, он выглядел в высшей степени добродушно. Рассмеявшись, он рассказал всем присутствующим тот случай. Фань Сянь в душе подспудно ощущал смятение, ему лишь оставалось снова попросить императора простить за проклятую дерзость. Остальные же сановники про себя думали: «Ничего удивительного, что Фань Сянь пользуется такой благосклонностью императора. Оказывается, в прошлом они уже таким чудесным образом успели встретиться. Несомненно, этот малый чертовски везуч». А ещё сановникам было очень любопытно, что же пообещал тогда император Фань Сяню.

— Я тогда обещал пожаловать твоей сестре отличное замужество. — Император ласково посмотрел на Фань Сяня, и на его лице внезапно появился намёк на хвастовство. — Твоя сестра обещана в жёны принцу Цзину, как тебе такой брак?

На душе у Фань Сяня было так горько, что горше не придумаешь, но он соорудил растроганный вид и вслед за отцом несколько раз поклонился с благодарностями. После лёгкого удивления остальные сановники стали наперебой соревноваться в лести, превознося поступок государя и заверяя, что история о том, как случайная встреча предрешила свадьбу, достойна стать

легендой на тысячу лет.

Голоса стали звучать громче, и их услышали принцы, обедавшие за стенкой. Старший принц нахмурился, наследный чуть улыбнулся, ощущая, что его решение перетянуть на свою сторону Фань Сянь в высшей степени мудрое. Он тут же рефлекторно глянул на второго брата, но обнаружил, что его выражение лица ни капли не изменилось — всё то же спокойствие, что и все эти годы. Он всё так же немного странно неторопливо и безостановочно пережёвывал еду. Наследный принц невольно про себя обругал этого мерзавца, называя его фальшивым до невозможности.

В кабинете императора, во всём дворце и за его пределами слышались лишь радостный смех и восхваления в адрес императора. Кто бы знал, какие горечь и раздражение испытывал в это время Фань Сянь.

Когда Фань Сянь на закате вышел из дворца, то, увидев на новом перекрёстке принца Цзина верхом на лошади, ощутил, как раздражение в сердце запылало ещё сильнее. Принц Цзин Ли Хунчэн с довольным видом спешил и пошёл к нему навстречу. На лице Фань Сянь появилась радость от встречи после долгой разлуки, что полностью не согласовывалось с тем, что он чувствовал в глубине души.

И тут сумерки сгустились — и наступила ночь.

* имеется в виду династия Цин из нашего мира, 1644-1911 гг.

** имя дословно означает «восхищаться лицом/особой императора»

***новая эпоха правления наступает каждый раз при восхождении на трон нового императора.

****главной целью моистов было установление мира во всей Поднебесной и удовлетворение минимальных материальных потребностей максимального числа людей.

<http://tl.rulate.ru/book/96718/4576754>